

KISSINGER'S VISION OF WORLD ORDER

Levon Shirinyan

*Doctor of Political Science, Professor,
Leading Researcher of the Institute of Philosophy,
Sociology and Law of NAS RA*

SUMMARY

The article analyzes the conception of world order and the peculiarities of its development in the modern era as one of poorly studied problems of political science.

In this context, the article explores the evolution of views on the world order of Henry Alfred Kissinger as one of modern researchers. In particular, the article discusses his approach to the concept of balance and his specific incoherence on this issue.

Key words: world order, conflicts, balance, Alfred Kissinger, Richard Nixon.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ: ВСЕ ЕЩЕ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Сурен Золян

*Доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института философии,
социологии и права, НАН РА*

В настоящей статье мы рассмотрим некоторые аспекты того, какое символическое оформление получили процессы формирования независимой армянской государственности в начале 90-х годов. Говоря о них, как правило, основное внимание уделяется собственно политическим и экономическим аспектам: борьбе за демократию против тоталитаризма, национально-освободительной борьбе против Кремля, изменение экономического строя и т.п. Между тем, уже само понятие национального государства как явление Нового времени есть прежде всего идея государственности, основанной на национальной идеологии и культуре.

¹ Исследование выполнено при поддержке Государственного комитета по науке МОН РА в рамках армяно-российского совместного научного проекта № 15РГ-24 «Семиотика политического дискурса: трансдисциплинарный подход».

Как было отмечено одним из наиболее авторитетных исследователей проблем нации и национализма Эрнестом Геллнером: “Новый мир, в котором *национализм*, то есть соединение государства с «национальной» культурой, стал общепринятой нормой, в корне отличается от старого, где это было явлением редким и нетипичным. Существует огромное различие между миром сложных, переплетенных между собой образцов культуры и власти, границы которых размыты, и миром, который складывается из единиц, четко ограниченных друг от друга, выделившихся по «культурному» признаку, гордящихся своим культурным своеобразием и стремящихся внутри себя к культурной однородности. Такие единицы, в которых идея независимости связана с идеей культуры, называются «национальными государствами». В течение двух столетий, последовавших за Французской революцией, национальные государства стали нормой политической жизни”².

Безусловно, создание независимого государства обусловлено и многочисленными политическими и экономическими причинами, но вместе с тем – глубинным фактором, определяющим возникновение и полноценное функционирование национального государства следует считать культуру, объединяющую данный социум и определяющую коллективную и индивидуальную идентичность данного социума, почему и национальная высокая культура, по Э. Геллнеру и другим теоретикам, есть не нечто дополнительное к государству и его функциям, а составляет единое целое с «идеей независимости». Такое понимание можно встретить и у теоретиков культуры. Как верно было замечено Д. С. Лихачевым: «Культура – это то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации. Если у людей, населяющих какую-то географическую территорию, нет своего целостного культурного и исторического прошлого, традиционной культурной жизни, своих культурных святынь, то у них (или их правителей) неизбежно возникает искушение оправдать свою государственную целостность всякого рода тоталитарными концепциями, которые тем жестче и бесчеловечнее, чем меньше государственная целостность определяется культурными критериями»³.

Но справедливо и обратное – основная функция независимой национальной государственности видится именно в сохранении и развитии национальной идентичности. Именно так воспринимали свою основную политическую задачу большинство из возникших в конце 80-х национальных движений в СССР, чья деятельность в конечном итоге привела к распаду

² Эрнест Геллнер, Пришествие национализма. Мифы нации и класса. // Путь: международный философский журнал, 1992.- № 1, с. 9.

³ Лихачев Д. С., Культура как целостная среда. Новый мир. 1994.- № 8, с.3.

многонационального СССР и возникновению новых государств, хотя первоначально цель этих движений заключалась в создании гарантий для развития своего языка и культуры.

Заметим, что подобная постановка вопроса о предназначении независимой государственности в армянской общественной мысли в силу ряда весомых причин никогда не была доминантной, но она весьма отчетлива была выражена в классической статье Ваана Терьяна «Духовная Армения» (1914). Предвосхищая подход позднейших теоретиков, в качестве основы для создания армянского национального государства, Терьян видел своеобразие армянской идентичности и культуры. Как бы отталкиваясь от Веберовского определения государства как инструмента легитимизированного насилия, Терьян центральной точкой дискуссии делает «мечту» тех, кого он называет *буржуазными зоологическими патриотами*: для них главным достижением будет то, что в независимой Армении будут свои армяне-полицейские, одетые в национальные мундиры, то есть легитимное насилие будет осуществляться не чужеродным, а «своим» этносом. Между тем, по Терьяну, для самого народа безразлично, какую форму носит и к какой нации принадлежит обирающий и избивающий его полицейский. Подобному «полицейскому» пониманию государства Терьян противопоставляет понятие «духовной Армении». В целом политическая независимость еще недостаточна, чтобы народ стал нацией: «Нация создается не только мощью внешних сил, искусственным рядоположением обстоятельств, но внутренней интеллектуально-духовной связью между ее членами. Кроме внешних возможностей, требуется и внутренняя сила, духовный порыв, благодаря которому сообщество людей становится нацией. Пусть сколь угодно независимой будет какая-либо Албания, она никогда не создаст нацию, если албанский народ не будет наделен внутренним порывом к достижению этого и ценой тяжкого труда не приобретет это право. Я не придаю никакого значения той национальности, которая сохраняет свою идентичность только благодаря внешним границам, и, что главное, такую идентичность, которую и не нужно сохранять. Всякий народ, желающий и обладающий волей стать нацией, должен непрестанно создавать те ценности, которые станут залогом его идентичности» (перевод наш - С.З.).⁴

Как видим, для Терьяна независимое государство предполагает «непрестанное сотворение ценностей», которое есть идентичность объединяющая народ и делающая его в том числе и политической нацией. Трудно судить, был ли знаком Терьян с теорией наций Эрнеста Ренана, чья опубликованная в 1882 году публичная лекция в Сорbonne «Что есть нация» сегодня считается основополагающей, но общность между ними

⁴ Կահին Տերյան, Երկերի ժողովածու, չորս հատորով, 2. 3, Եր., 1973, էջ 113 – 114:

очевидна. Основная мысль статьи Терьяна «Духовная Армения» - именно духовно-интеллектуальная деятельность, направленная на консолидацию социума и создание ценностей, позволяет создать из сообщества людей нацию. Это напоминает часто цитируемую мысль Ренана о том, что нация – это непрестанная духовная деятельность и сотрудничество, каждодневный референдум, великкая солидарность: «Нация предполагает прошедшее, но в настоящем она резюмируется вполне осозаемым фактом: это ясно выраженное желание продолжать общую жизнь. Существование нации — это (если можно так выразиться) повседневный плебисцит»⁵.

Именно в этой лекции Ренан сформулировал определяющий на сегодня подход к нации: краеугольным камнем формирования, функционирования и развития нации и национального государства является идея национального единства и солидарности, а не наоборот. Само существование нации основано на осознании единства и солидарности, что получает свое выражение в формируемой и осознаваемой индивидом и социумом в целом национальной идентичности. Солидарность порождает государство, и единство нации основано не на биологических, географических или экономических факторах, а есть духовное и социо-культурное явление: «Нация — это душа, духовный принцип. На самом деле эта душа, этот духовный принцип, состоит из двух частей. Одна — это прошлое, другая — это настояще. Одна — это общая собственность богатого наследия воспоминаний; другая — это современное согласие, желание жить вместе, желание сохранить полученное наследство . Иметь общую славу в прошлом, общие желания в будущем, совершив вместе великие поступки, желать их и в будущем — вот главные условия для того, чтобы быть народом... Разделять в прошлом общую славу и общие сожаления, осуществлять в будущем ту же программу, вместе страдать, наслаждаться, надеяться, вот что лучше общих таможен и границ, соответствующих стратегическим соображениям; вот что понимается, несмотря на различия расы и языка»⁶.

Очевидно, что составляющие национальную идентичность компоненты и факторы могут функционировать только приобретя смысл и символическую значимость и образуя связный дискурс, объясняющий, что есть данная нация, в чем её предназначение, каковы объединяющие ее представления о прошлом, настоящем и будущем⁷. Подобный дискурс

⁵ Ренан Э., Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах., Т.6, Киев, 1902, с. 102.

⁶ Там же, с. 101-102.

⁷ Ср.: «Конвенциональный и воображаемый характер выделения в социальном пространстве наций позволяет говорить об означивании (национализации) социума, формировании в социальном пространстве национального дискурса. Дискурс рассматривается не только как отложившийся и закрепившийся в языке способ упорядочения действительности, но и как «способ видения мира, выражаемый в самых разнообразных, не только вербальных,

(«политический миф» в строгом смысле слова, без пейоративных оттенков) может приобретать различный характер, но его основное содержание должно быть выражено посредством некоторого крайне ограниченного набора символов, обладающих в данной культуре огромной смысловой емкостью и являющихся отражением объединяющих данный социум базовых ценностей. Подобный дискурс разделяет общие характеристики политической коммуникации. Как показал в свое время основоположник теории политической коммуникации Гарольд Лассвелл, функция политических символов и политической мифологии – это создание и упрочение социальной солидарности. Восприведем основные положения его концепции. «Миф» не всегда имеет вымышленный или иррациональный характер, хотя может и быть таковым. Это необходимый компонент инструмент политики, который зависит от планируемых целей – оболванивание нации или же ее мобилизация на решение стратегических задач. Политический миф, по Гарольду Лассвеллу, содержит в себе "фундаментальные допущения", касающиеся политических вопросов. Он состоит из символов, к которым прибегают не только с целью разъяснения, но и оправдания специфических практик власти. (Это, например, «флаги и гимны, церемонии и демонстрации, народные герои и окружающие их легенды»). Благодаря им обеспечивается ориентация и самоидентификация индивида в социуме.

«Их функция заключается в том, чтобы вызвать восхищение и энтузиазм, укрепляющие веру и чувство лояльности индивида к власти. Они не только вызывают необходимые для существования данной социальной структуры эмоции, но способствуют осознанию необходимости разделить эти эмоции с другими людьми, тем самым, стимулируя всеобщую классовую идентификацию и создавая основу для солидарности. Ключевой символ – это основной компонент политического мифа... Одной из очевидных функций ключевого символа является функция формирования общественного опыта для каждого человека в государстве, от самого могущественного политического лидера до самого рядового обывателя или философа. В самом деле, одним из немногих обстоятельств, объединяющих людей независимо от расы, происхождения, профессии, принадлежности к партии или религии, является то, что на их сознание

практиках, а следовательно, не только отражающий мир, но его проектирующий и сотворяющим» (Миллер А. И. О дискурсивной природе национализмов // *Pro et Contra*. 1997. № 4, с. 142). Понятие «дискурс» включает в себя социально обусловленные способы восприятия и интерпретации окружающего мира, а также социальные практики и институциональные формы организации общества, инспирированные этим видением мира. два аспекта идентичности: индивидуально-психологический, личностный, с одной стороны, и групповой или социокультурный, с другой». – Тимофеев М. Ю., Нациосфера: Опыт анализа семиосферы наций . – Иваново, Иван. гос. ун-т, 2005. с. 42.

постоянно воздействует один и тот же набор ключевых слов. Данные термины способствуют развитию чувства лояльности к власти и тем самым обеспечивают единство населения страны»⁸.

Как справедливо обобщает в своем аналитическом обзоре Н. М. Мухаряров, символы «заряжены силой магического воздействия. Они знаменуют ситуацию решающего выбора, мгновенного воссоздания политической реальности и в этом качестве не замещают эту реальность, а становятся ее частью. Прагматика символов такова, что они не предназначены для оперативного управления действиями человека, для этого есть знаки. Символы повелевают»⁹. Именно на этой способности символов «повелевать» основывается власть дискурса, или, в иных терминах, символическая власть – принятый социумом доминирующий дискурс диктует правила и стратегии поведения; ориентации в социокультурном пространстве и интерпретации происходивших и происходящих событий¹⁰.

Рассмотрим с этих позиций, как понимается национальная идентичность в современной Армении и как она отражена в существующей политической символике. Ограничимся только государственной (то есть закрепленной в Конституции) – это герб, флаг и гимн, а также Национальный день. Обретение Арменией независимости проходило в сложной политической и идеологической обстановке, когда основными политическими целями и, соответственно, дискурсами были борьба за Карабах и борьба с коммунистическим режимом. Это привело к такой ситуации, что политическое становление независимой государственности оказалось вне основных политических дискурсов, они оформляются уже после обретения Арменией независимости, как бы для оправдания уже произошедших радикальных изменений. Между тем, как было показано выше, само создание независимого государства предполагает идеологическое обоснование. Таким образом, политические процессы привели к созданию нового государства, которое уже задним числом было обязано легитимизировать себя не только в международной политико-правовой сфере, но и в идеологической. Политико-правовой суверенитет должен был быть дополнен созданием или восстановлением армянской идентичности. Республика Армении должна была выступать не только как «субъект международного права» (именно такая формулировка была одним из

⁸ Лассвелл Г., Язык власти. // Политическая лингвистика. - Вып. 20. - Екатеринбург, 2006. - С. 264-279. – Цит. по: <http://www.philology.ru/linguistics/l/lasswell-06.htm> (28.08.2016).

⁹ Мухаряров Н. М.. О символических началах в языке политики. // Символическая политика. Вып. I. Москва, ИНИОН РАН, 2012, с. 72.

¹⁰ Ср.: «... власть утверждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира, и тем самым, воздействие на мир, а, значит, и сам мир» - Бурдье П., Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007, с. 95.

основных политических требований), но и как носитель определенной идентичности. Обретение независимости оформляется как реализация права народа на самоопределение, вплоть до создания независимой государственности, но это юридическое право должно быть идеологически обоснованно - как ("долгожданная") реализация национальной идентичности, как («наконец-то!») возможность политического (полноценного) сохранения и развития нации.

Основные предшествующие независимости дискурсы акцентируют правовые аспекты легитимности возникновения Республики Армения, ссылаясь на Конституцию СССР, предоставлявшей союзным республикам право на самоопределение (вплоть до отделения) и на международное право (Устав ООН). Легитимность Республики Армения рассматривалась как обретение формальной (т.е. юридической) правосубъектности. При этом возникла коллизия между юридически никак не оформленным правом армянского народа (т.е. включая Нагорный Карабах и ставшее диаспорой армянство Западной Армении) и правом Армянской ССР, что нашло свое определенное решение в понимании международной правосубъектности как возможности требовать через институты международного права от мирового сообщества восстановления исторической справедливости и признания геноцида. Тем самым реализовывались, по крайней мере, декларативно, две важные функции. Первая – это объединение Армении и диаспоры, ибо её родина – не Восточная Армения, а Западная, и начало построения «свободной, независимой и объединённой Армении» - воскрешалась главная идеологема и неосуществленный лозунг Республики Армения 1918 -1920 годов и, соответственно, её политическая символика.

В то же время как дополнение к историко-политическому выступал и культурно-традиционистский дискурс, в котором Армения выступает как страна, сумевшая сохранить в исконном виде ряд базовых ценностей (истинное первоначальное христианство, арийство, индоевропейские корни, цивилизацию Урарту и шумеров и т.п.). Армения воспринималась как хранитель утраченных ценностей, что требовало защиты её идентичности в форме независимого государства – то есть создания нечто вроде «заповедника», ограждающего ее от господства искажающих базовые ценности армянской нации иных этносов.

Вплоть до 1990 года подобные дискурсы были явлением культуры, литературы, публицистики, но политическим фактом они могли стать после того, как на выборах в Верховный Совет победу одержали некоммунистические силы, в первую очередь, Армянское общенациональное движение (АОД). Новая государственная власть, взявшая курс на независимость, уже могла и была обязана выразить новую смысловую и идеологическую систему в форме основополагающих дискурсов и системы

символов. При этом следует учесть, что как политическая доктрина, так и политический миф, его формулы (слоганы) и символы (используя эти термины в том смысле, в каком они используются в теории Гарольда Лассвелла), формировались с некоторым опережением, еще в контексте существующих политico-правовых норм и официальной идеологии Советского Союза. Само обретение независимости от СССР происходило в соответствие с действующими законами СССР. Армения существовала в составе СССР, но принимаемые официальные документы описывали реальность так, как якобы Армения была уже вне в СССР, что создавало своеобразный эффект совмещения поэтической и политической семантики, создавая своеобразную двусмысленность принимаемых документов¹¹.

В 90-ые годы создаются дискурсы и вводятся соответствующая государственная символика (герб, гимн), внедряются новые интерпретации истории, создаются и воссоздаются культуры героев и мучеников. Первоначально происходила тривиальная замена ценностей на противоположное: все «советское» заменялось на «антисоветское». Символы меняли свою оценку на противоположную, узаконивалось ранее запрещенное, дезавуировалось ранее официально принятное. Легкость подобной трансформации объяснялась и тем, что в общественном сознании она уже фактически произошла ранее и оставалось лишь придать ей официальный статус, преобразовав диссидентский дискурс в государственный. Так, февральская авантюра 1921 года стала народным восстанием против большевиков, зато Майское восстание 1920 года против дашнакского правительства превратилось в майский мятеж. В этой связи органичным было обращение к тому, что в советской символической системе считалось отрицательным, поскольку было связано с «дашнакской» Республикой 1918 – 1920 годов. Декларация Независимости 1990 года прямо указывает на нее в качестве предшественницы нынешней республики: «развивая демократические традиции образованной 28 мая 1918 года независимой Республики Армения».

Было естественным ожидать, что будет восстановлена также и символика этой республики, а нынешнее государство будет

¹¹ Так, как рассказал на заседении Верховного Совета бывший тогда председателем Верховного Совета Армянской ССР Левон Тер-Петросян, после принятия Декларации о независимости РА от 23 августа 1990 года ему позвонил президент СССР М.С. Горбачев, прочитавший эту Декларацию, и спросил: «Так Вы теперь независимое государство или нет?», поскольку сама Декларация не дает однозначного ответа. Её первоначальный вариант декларировал не «независимость», а государственный суверенитет; эти в целом синонимичные выражения в контексте 90-х были противопоставлены чуть ли не как антонимы. Но в окончательном варианте речь шла не о собственно независимости, а о том, что «Республика Армения провозглашает начало процесса утверждения независимой государственности», но в то же время она характеризуется как «суверенное государство, наделенное верховенством государственной власти, независимостью, полноправием».

рассматриваться как восстановление прежней (путь, по которому пошли в своих Декларациях балтийские страны, Грузия и Азербайджан). Ведь если Республика Армения (1991 года) есть отражение (воспроизведение) Республики Армения (1918-1920гг.), то речь должна идти не об обретении, а о восстановлении независимости, как заявили об этом в своих декларациях Балтийские республики, Грузия, Азербайджан. В соответствии с мифологическими представлениями, происходит своеобразная политическая реинкарнация: Республика Армения с её атрибутами государственности (флаг, герб, гимн, дата основания и даже Арам Манукяном, объявленным тогда отцом-основателем республики 1918) воспроизводится в 1991 году. Восстанавливается в качестве государственного флага триколор 1918 года, который в качестве неофициального, но уже общепринятого символа фигурировал начиная с 1990 года. Несколько сложнее оказалась ситуация с гимном – гимн 1918 года «Моя Родина» был принят только как «основа» - была утверждена музыка, но слова тогда было решено не утверждать, а доработать впоследствие. (Что касается герба, то он был восстановлен только 19 апреля 1992 года – прежний герб с Аракатом с эстетической стороны был намного совершеннее, поэтому отказ от него происходил куда труднее). Национальным днем было провозглашено 28 мая. Саму Декларацию было поручено прочесть депутату Араму Манукяну – молодой депутат из Кировакана выступал как инкарнация легендарного Арама Манукяна, умершего в 1918 году. Основным политическим дискурсом стал сформировавшийся ещё в 1960-ые как диссидентский «антисоветский» дискурс о том, как армянская нация естественным путем двигалась к обретению независимой государственности и объединению Восточной и Западной Армении, что и было достигнуто в 1918 году и закреплено в Севрском договоре 1920 года. Однако из-за вмешательства темных сил Республика Армения была уничтожена (мировое зло в данном случае воплотилось как союз поделившими Армению между собой Ленина и Сталина с Ататюрком) и подменена её уродливой формой - Армянской ССР. Восстанавливаясь идея «единой, свободной, независимой» воскресшей из истории республики 1918-1920 гг., границы которой мыслились в динамике её территориального расширения, не сводясь к первоначальным границам «Арагатской республики», а включая Карс, Нахичевань, Карабах, а также и Западную Армению, как то было предусмотрено в сорванном из-за альянса большевиков и кемалистов Севрском договоре 1920 г.

Однако такой путь оказался лишь одной из альтернатив. Реальные политические процессы потребовали значительных корректировок как применительно к внешнеполитическим факторам, так и к внутриполитическим факторам, чего не было в советский период, когда

диссидентские нарративы оставались в пределах политической беллетристики. Между тем, его практическая реализация ставила такие вопросы, как, например:

1) Восстановление Республики Армении 1918-1920 года означало и восстановление ситуации двух поражений: проигранной войны с Турцией 1920 года и фактической, хотя и необъявленной войны с Советской Россией в том же году. Что касается границ, то отказ от Карского договора и признание действующим Севрского реально означал территориальные претензии к Турции. Поэтому Карский и другие договора, прекращавшие существование Республики Армении 1918-1920 года официально так и не были объявлены недействительными.

2) Во внутриполитическом плане подобная реставрация республики 1918 года в качестве мифического прототипа и полная инкарнация Республики 1918-1920 года легитимизировала и партию, которая была правящей в этой республике – Дашиакцутюн. Вставал вопрос о восстановлении легитимной власти в лице изгнанной большевиками из Армении партии Дашиакцутюн.

Сохранившая себя за рубежом партия «Дашиакцутюн» воспринималась в обществе именно так, и сама воспринимала себя так же, почему и претендовала быть истинным выразителем интересов всего армянства, и готовилась вернуться в Армению именно в качестве правящей. Но ни новая власть (АОД), ни все еще сохранившая свои позиции коммунистическая номенклатура вовсе не собирались уступать ей место во власти. Соответственно, формируются новые дискурсы: доктрине восстановления независимости начинают противопоставляться концепции её обретения или же её развития. Несовершенство первой Республики, её слабость и трагический финал серьезно подрывают её способность выступать как прототип (поскольку, по той же мифологической логике, её ждет такой же конец). Кроме того, в дискурсе «воскрешения» прошлого новые события оказывались вне истории. Как не имевшие прототипа, они не могут быть наделены смыслом применительно к в новой реальности. Парадигма еще не сформировалась чтобы питать смыслами текущие события, поэтому более привычное (и традиционное для армянской истории) отношение подобия переворачиваются в будущее: сама текущая история объявляется первоначальным состоянием, она и есть источник смысла (прототип) для будущего. Модель повторения заменяется на модель сотворения. Такая модель и идеология её адептами рассматривается как реалистическая и pragматическая в противовес противоположной, называемой романтической и утопической. Референдум 21 сентября 1991 года становится символической точкой сотворения новой Армении. Подобная трансформация оформляется как деидеологизация – в противоположность традиционной национальной идеологии, которая

объявляется утопической и романтической, сама же национальная идеология объявляется фантомом, «ложной категорией», а история – «лженаукой».

Но пытаясь освободиться от предшествующих идеологических моделей, новый дискурс вбирает ряд мифологических элементов, хотя и другого порядка, относящихся уже к процессу сотворения мира. Мифологический праздник-ритуал выступает в этом случае не как воспроизведение, а как исполнение, деятельность. Референдум о независимости 19 сентября 1991 года (после августовского путча и факто прекращения существования СССР) - в самом деле свелся к ритуалу-празднику: как шутили тогда, даже в случае отрицательного результата референдума Советский Союз для армян уже бы не восстановили. При этом парадоксальность ситуации заключалась в том, что 28-го мая –уже был объявлен днем независимости, и некоторое время 21-ое сентября был объявлен (национальным) праздником, но без имени, и только в 1995 году он получил название Независимости, а 28-ое мая было переименовано в День республики (но не День Первой республики).

Как видим, процесс оформления общенационального дискурса (политического мифа) проходил в условиях жесткой политической и идеологической конкуренции между этими тремя основными дискурсами (доктринаами, моделями), интерпретирующими факт независимой государственности:

- 1) как абсолютно новую беспрецедентную реальность – создание новой нации;
- 2) как восстановление справедливости и нарушенного большевиками нормального состояния – это восстановление Республики Армении – 1918–1920 года;
- 3) как повышение статуса Армении – превращение её из союзной республики в независимое государство. (Отсюда и проистекает ставшее популярным именование сегодняшней Армении Третьей Республикой).

Все эти три концепции, несмотря на их противоречивость, были признаны государством и обществом, создав причудливую систему государственной символики. Республика Армении: 1) считается правоприемницей и продолжательницей Советской Армении; вместе с тем 2) унаследовав государственную символику Республики 1918 – 1920 годов, однако 3) главным государственным праздником был признан 21 сентября – День независимости в ознаменование дня референдума 1991 года, когда – как утверждалось идеологами этого направления – армянский народ впервые стал политической и гражданской нацией.

Как видим, был достигнут определенный консенсус: основная часть общества вовсе не намерена была ставить крест на достижениях Советской Армении, поэтому если вначале был провозглашен отказ от них, то в дальнейшем намечается определенная контаминация «старого» и «нового».

Имевшее большинство в парламенте, правящее тогда Армянское национальное движение старалось утвердить модель сотворения нового государства, но вместе с тем вынуждена была считаться с мнением большинства вне стен парламента. Идея регулярно восстанавливаемой государственности нашла неожиданную опору в факте существования Армянской ССР, что сделало возможным даже найти точное арифметическое выражение для новой реальности – Третья республика, что предполагает, естественно, существование не только Первой, но и Второй.

Если на первом этапе акцентировалась несовместимость советских и «армянских» символов, то впоследствии намечаются попытки примирить их и найти объединяющую их форму. Так, с самого начала делались попытки сохранить предшествующее, но без явной коммунистической символики. Например, как в эстетическом отношении совершенные образцы, предлагалось сохранить герб Армянской ССР Мартироса Сарьяна, но убрав из него расположенную наверху звезду, или же восстановить гимн Арама Хачатуриана, но изъяв из текста слово «советский». Но на начальном этапе незначительное редактирование (как, к примеру, удаление звезды из герба) существовавших образцов не могло считаться приемлемой альтернативой. Перенос дискуссии в область эстетики не был оправдан – существенны были именно политические, или, скорее, мифопоэтические аспекты символа. Существенным были не сама символика старого-нового герба, которая до сих пор так и не стала ясна большинству, ни достаточно простая мелодия гимна, но и тем более текст – релевантным было свойство этих символов отсылать к прототипу как своему значающему.

Но с легитимизацией Армянской ССР как «второй республики» ситуация несколько меняется: независимость понимается не только как восстановление утраченного или же как абсолютно новое состояние, сколько повышение степени государственного суверенитета. Прежние коллизии после распада СССР потеряли свою драматичность. В формируемом ранее в условиях конфликта с продолжавшим существование СССР дискурсе, все, что ассоциировалось с советским и коммунистическим, подлежало аннулированию. Теперь же стало возможным считать приемлемым в том числе и «советское», но без «коммунистического». Так, была сделана попытка восстановить, но в модифицированном виде Женский день 8 марта и день Победы Девятого мая – первый был преобразован в день Материнства и перенесен на 7 апреля (церковный праздник благовещения Марии), а день Победы стали отмечать 8 мая – как в «цивилизованной» Европе. (Заметим, что общество не приняло этих нововведений, что стало причиной восстановления этих праздников в первоначальной форме).

В целом наблюдается общая тенденция к формализации символики. Поэтому могут мирно уживаться ценности Первой, Второй и Третьей

республик – они берутся как достойные уважения знаки, лишенные внутренней динамики и потому допускающие достаточно причудливое сочетание. Особо наглядно это видно на примере наград Министерства обороны, учредившего медали Нжде, Дро и Баграмяна: все трое были офицерами армии Первой республики (Дро был министром обороны); во время Второй мировой войны, то есть во времена Второй республики, они оказались разведенными по разные стороны фронта противниками, но вновь воссоединились уже как герои Третьей республики.

Как видим, все эти три вышеобрисованные концепции, несмотря на их противоречивость, были признаны государством и обществом, создав причудливую систему государственной символики, согласно которой Республика Армения:

- 1) считается правоприемницей и продолжательницей Советской Армении,
- 2) вместе с тем унаследовав государственную символику Республики 1918–1920 годов,
- 3) однако главным государственным праздником был признан 21 сентября – День независимости в ознаменование дня референдума 1991 года, когда – как утверждалось идеологами этого направления – армянский народ впервые стал политической и гражданской нацией¹².

К сожалению, в ходе последующего развития не происходит гармоничного синтеза этих трех концепций. Наоборот, все более усиливается архаизирующий подход, согласно которому Армения есть извечно существующая нация, безотносительно к какому-либо государственному или общественному устройству. В частности, такой подход был закреплен принятым во втором чтении Национальным собранием Республики Армении Законом об объявлении 11 августа праздником — Днем национальной идентичности. (Как утверждают древние армянские хроники, в 2492 году до н. э., Рождества Христова прародитель армян Айк победил Бэла, создав тем самым возможность свободного независимого существования армянства). Хотя окончательно этот закон и не был принят, но он свидетельствует об изменившемся отношении к идентичности: из политического самоосмысливания себя как нации общество возвращается к характерному для идеологов XIX века фольклорно-эпическому пониманию.

Между тем, идентичность – это не статичное, а динамичное явление, это постоянный процесс, который осуществляется как непрерывная коммуникация между различными общественными группами. Благодаря

¹² Национальные праздники есть «особый механизм памяти во времени и пространстве, укрепляющий национальную идентичность и символизирующий, кто есть «Мы» и как «Мы» такими стали. – National day's: constructing and mobilizing national identity. // Ed. By McCrone D. and McPherson G. –N.Y.: Palgrave Macmillan. 2009. p. 1.

этому обеспечивается толерантность и равновесие, баланс, между различными, иногда и антагонистичными группами, так оформляется общий (общенациональный) социальный контекст, крайне важный для самоорганизации государства и общества. Безусловно, отсутствие политической стратегии обрекает на семиотическую ущербность используемой системы символов, но вместе с тем верно и обратное: использование не имеющих перспективу символов и мифов распыляет и без того скучный политический ресурс общества. Так, примордиалистское понимание нации и идентичности, лишенное идеи государственного строительства и взаимодействия и сотрудничество с внешним миром отрицательно сказывается на возможности выдвижения проектов, которые были бы адекватны сегодняшним вызовам. Архаизация понятия нации как вечно существующего и неизменного начала преобразует это понятие из политического феномена - в лучшем случае - в культурно-исторический, а при определенных интерпретациях – даже в биологический феномен. Более того, начинают переосмыляться в духе патриархальных ценностей даже современные политические институты (президент как отец семейства, государство как мать, притчи бабушки как основа для законодательства и т.д.). Существующая в современной Армении политическая символика становится все более формальной и ритуализованной, по своей сути напоминая функционирование системы политических символов в застойные годы СССР¹³. В этом мы видим существенную опасность, которая при накоплении отрицательных явлений в конечном итоге может привести к дезинтеграции общества, размыванию концепта национальной идентичности и тем самым – идеи национальной независимой государственности.

РЕЗЮМЕ

Обретение Арменией независимости проходило в сложной политической и идеологической обстановке. В 90-ые годы создаются дискурсы и вводится соответствующая государственная символика (флаг, герб, гимн, Национальный день), внедряются новые интерпретации истории, создаются и воссоздаются культуры героев и мучеников. Этот процесс проходил в условиях жесткой политической и идеологической конкуренции между тремя основными дискурсами, по-разному интерпретирующими факт независимой государственности (создание «новой» нации, восстановление республики 1918-1920г.г., естественное развитие армянской государственности). В последнее время вместо синтеза

¹³ Как пример, можно привести ставшие обязательными в образовательных учреждениях особые места, где помещены национальные символы, к которым в последнее время стали относить портреты действующего президента и католикоса.

этих концепций произошел отход в сторону примордиалистского понимания национальной идентичности как вневременного и самотождественного феномена.

Ключевые слова: Республика Армения, политический дискурс, политическая символика, национальная идентичность.

ԵՐՐՈՐԴ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԽՈՂՀՐԱՄԻՇՆԵՐԸ՝ ԻՆՔՍՈՒԹՅԱՆ ՓԱՏՐՈՒԹՅԵՐՈՒՄ

Սուրեն Զոյան

Բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր,
ՀՀ ԳԱԱ Փիլիսոփայության, սոցիոլոգիայի և իրավունքի
ինստիտուտի առաջատար գիտաշխատող

ԱՍՓՈՓՈՒՄ

Հայաստանի անկախացումը տեղի է ունեցել քաղաքական և զաղափարական բարդ իրավիճակում: 90-ականներին ձևավորվում են դիսկուրսներ և դրանց համապատասխանող պետական խորհրդանիշներ (դրոշ, զինանշան, օրիններգ, ազգային տոն), (Վերա-) ստեղծվում են հերոսների և նահատակների պաշտամունքներ: Այս գործընթացը տեղի է ունենում քաղաքական և զաղափարական երեք հիմնական խոչը դիսկուրսների միջև թեժ մրցակցության պայմաններում, անկախ պետականության ձեռքբերումը իմաստավորվում երեք տարբեր եղանակով («նոր» ազգի արարում, 1918-1920թթ. Հանրապետության վերականգնում, հայոց պետականության բնականոն զարգացում): Այդ գաղափարների համատեղման վոլյարեն վերջերս գերիշխող է դառնում ազգային ինքնության առասպելաբանական մեկնությունը՝ այն դիտարկվում է որպես հավիտենական և անփոփոխ երևոյթ:

Բանալի բառեր. Հայաստան, քաղաքական երկխոսություն, քաղաքական սիմվոլիկա, ազգային ինքնություն:

THE POLITICAL SYMBOLISM OF THE THIRD REPUBLIC: STILL IN QUEST FOR IDENTITY

Suren Zolyan

*Doctor of Philology, Professor,
Leading Researcher of the Institute of Philosophy,
Sociology and Law of NAS RA*

SUMMARY

Armenia's independence took place in a complex political and ideological context. In the 90s, the officially adopted political discourses on national identity were introduced, along with a symbolic system for their representation (flag, anthem, etc). New interpretations of history, new narratives and cults of heroes and martyrs were created or re-created. This process was accompanied by a very strong political and ideological competition between the three main discourses, interpreting in different ways the fact of independent statehood and representing it as: 1) an unprecedented new reality (the creation of the nation); 2) the restoration of the Republic of Armenia in 1918 – 1920; 3) raising the status of Armenia into an independent state. Currently, instead the further synthesis of these three concepts the primordial concept of the nation and identity has been prevailing.

Key words: Armenia, political discourse, political symbolism, national identity.

АНАЛИЗ ПОСТСОВЕТСКИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ И ДЕМОКРАТИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Эмиль Ордуханян

*Кандидат политических наук, доцент,
старший научный сотрудник Института
философии, социологии и права НАН РА*

Распад Советского Союза заложил основу для нового социально-политического процесса, которому теоретики дали разные формулировки, такие как: продолжение третьей волны демократизации, постсоветская трансформация, постсоветский транзит¹ и др.

¹ См. Хантингтон С., Третья волна. Демократизация в конце XX века, Пер. с англ. — М.: Российская политическая энциклопедия, (РОССПЭН), М., 2003. 368 с.; Погосян Г., Армянское общество в трансформации, Лусабац, Еր., 2003, 460 с.; Торосян Т., Постсоветская трансформация общественной системы, изд. Гитутюн, Еր., 2006, 423 с. (на армянском);